

каждой губернии, сообразно местным условиям.

3) Уменьшение в дворянском банке платежей до размера, соответствующего действительной доходности имений. Помимо этого, существенно важно с заботой дворянского банка об исправном поступлении платежей соединить его же с перестановкой заботы о судьбе каждого имения, в вид нестерпимой помощи для наилучшего заведывания им и для предупреждения его продажи с публичного торга. Для этого, между прочим, рекомендуется дворянскому банку прикрывать практикой реформирования приказа общественного призрения, заложения в котором имения не продавались с публичного торга, а отдавались предварительно в распоряжение удачных дворянских опеки.

4) Передача в руки помещиц дворян производств, имевших связь с сельскими хозяйствами: винокуренного, крахмального, дрожжевого, пивоваренного, свеклосахарного, маслосебяного и мукомольного, с предоставлением им соответствующих льгот для борьбы со всемогущей купеческой промышленностью.

5) Уменьшение размера земских налогов, что возможно только при надлежащем усилении влияния помещичьего дворянства на земства, при чем наиболее целесообразным признается полное упразднение нынешнего земства, с передачей всех его дел в руки администрации и помещичьего дворянства.

6) Увеличение дворянского земельного фонда, где оно потеряло наибольший ущерб, для чего рекомендуется образовать при дворянском банке специальный фонд, на подобие того, который образуется при крестьянском банке по манифесту 14 ноября 1894 г. для покупки земли.

Кроме этих и некоторых других мер имущественного характера, сторонниками дворянских привилегий предлагается ряд мероприятий, имеющих административно-политическое значение, напр.

1) Наряду с штатными земскими начальниками установить должности земских начальников сверхштатных или почетных, которые, по желанию, могли бы комплектоваться из дворян-вотчинников, владеющих вотчинными имениями, пользовавшимися всеми правами и несли бы все обязанности штатных земских начальников, но без жалования, и могли бы иметь в своем ведении по одной волости. На штатных и почетных земских начальников возложить наблюдение, в пределах своего участка, за деятельностью уездных органов, не только за их деятельностью, но и за частным характером, в виде благотворительных и т. п. учреждений, впрочем, без распространения власти, а только с обязательством о замеченных упущениях доносить председателю дворянства. Уездному предводителю дворянства предоставить не право, как теперь, а обязанность наблюдать за деятельностью земских начальников; ему же возложить на обязанности доносить губернатору о всех упущениях от порядка в ходе уездных дел, замеченных им лично или сообщенных ему земскими начальниками.

2) Назначать на должности вице-губернатора и губернатора преимущественно

степенно таких лиц, которые пробыли в течение своей службы не менее двух третей земскими начальниками или предводителями дворянства.

3) Издать закон, по которому приобретение на чужбину имущества помещичьего дворянства было бы возможно лишь в том случае, если одно из первых двух поколений нового дворянского рода пробудет по меньшей мере в течение 25 лет владельцем земельного участка, по которому не менее вотчинного имения.

4) Наконец, рекомендуется учреждение на местах специально дворянских институтов, лицеев и военных корпусов, а доступ в дворянское сословие предлагать стипендиальным чинам, дающего дворянство.

Чем же мотивируется необходимость создания этих новых привилегий? Действительно ли положение нашего дворянского сословия так печально, что требуются чрезвычайные меры для того, чтобы прийти ему на помощь? Действительно ли в общем течении нашей государственной жизни наше дворянство так далеко отодвинуто на задний план, лишено всякого влияния и значения, что приходится искусственно его выдвигать вперед, искусственно создавать для него это влияние и значение? Наконец, действительно ли привилегированная обособленность дворянства составляет одну из исторических необходимостей нашей государственной жизни и утрачена дворянством только вследствие неблагоприятно сложившихся обстоятельств? Ответы на все эти вопросы попытаемся найти в книге г. Евреинова.

К д-ру Эстергази. «Siecle» продолжает известия читателям разоблачения, основанного на «Правде об Эстергази». В этих разоблачениях указывается, что истинный военный аташе в Париже Паничарди и германский военный аташе Шварцкопфен уполномочили третье лицо, именно графа Казелла, бывшего свидетелем в деле Зола, сыгравшего в своих показаниях на них и привести слова Паничарди и Шварцкопфена, доказывающие, что тайные документы были выданы Шварцкопфеном майору Эстергази и что автором бордер Дрейфуса не был. Казелла рассказывает затем следующую историю, которую он утверждает повторить во время второго разоблачения дела Зола.

В середине декабря 1897 г. он, Казелла, имел беседу с Паничарди, который сказал:

— Я опровергаю уже писанное, заключающее в себе слова: «Это каналья Д...» Писанное это писано мною и мы никогда не было доставлено, в этом русле словес офицера и честного человека. Германское посольство сдало заявление в таком-же смысле. Оно категорически заявляет, что никогда не находилось в каких-либо сношениях с Дрейфусом; но нельзя требовать, чтобы германское посольство назвало настоящего виновника. Что мы скажем? Разве я могу скомпрометировать своего друга Шварцкопфена?

Затем Паничарди прибавил: — Несмотря, однако, на это, я думаю, что могу сделать кое-какое сообщение конфиденциальному лицу, сообщение, которое будет иметь доказательный характер и убавит всякого. По кому сделать его?

— Логичнее на с. Шерер-Кестером, посольства Казелла.

— Так, так, отвечал Паничарди, я, пожалуй, могу поговорить с ним. Приходите завтра. Я должен предварительно посоветоваться с моим начальником Торниелли.

— На следующий день, рассказывает Казелла, и опять явился к Паничарди. Он

был в славнейшем настроении и восторжен. Оказалось, что Паничарди извещал своего министра.

— Не могу сделать никаких заявлений, сказал он. Нас эта история вовсе не касается, так как мы ничего тут не можем подвднуть. Это дело Дрейфуса принадлежит моему другу. Видно мое волею и Паничарди указал при этом на голову — она была черными и в несколько мисек посылал.

— Я успокоил его, продолжал Казелла, замечая, что никто не принуждает его говорить.

В дальнейшем течении разговора Паничарди замечал:

— Я был чрезвычайно удивлен по поводу того, почему семья Дрейфуса никогда не старалась добиться заявления со стороны германского посольства. Там это дело возникло и там именно нужно было пустить в ход все средства, с целью получить от германского аташе Шварцкопфена объяснение, которое не оставляло бы никаких сомнений. Я можно было бы также поговорить с самим Шварцкопфеном. Шварцкопфен сам часто выражал желание по поводу того, что никто еще не пытался поговорить с ним лично. У него такое доброе сердце, и он никогда бы не устоял перед просьбой несчастной женщины или подавленного горем брата и вообще перед просьбой кого-либо из этой семьи, пришедшей в отчаяние.

На основании этого намека Казелла и поехал в Берлин, куда прибыл 11 декабря 1897 года (и. с.). Вследствие разных обстоятельств, Шварцкопфен мог прийти графа Казелла только вечером 11 января в «Hotel Kaiserhof». После некоторых замечаний относительно дела Артона разговор перешел к делу Дрейфуса-Эстергази. Когда Шварцкопфен упоминал о том, что к делу этому относятся с большим интересом во Франции, Казелла сказал:

— Да, полковник, все убеждены в том, что один только вы знаете правду в этом ужасном деле.

Шварцкопфен отвечал: — Боже мой, по я могу сказать только на сдланное германским посольством в Париж заявление, что мы ничего общего не имеем с делом Дрейфуса.

Казелла спросил:

— Вы Париж обратили на себя внимание по обстоятельству, что вы дали себя отзывать из Парижа как раз в то время, когда заговорили об Эстергази.

— Это простая случайность, отвечал Шварцкопфен. — Говорили, что бордер было найдено в моей корзине. Даю вам честное слово, что оно никогда не было ни у меня в руках, ни в руках у кого-либо из прочих членов нашего посольства. Бордер было похищено прежде, чем дошло до назначения. Служило думать, что бы нечто подобное могло случиться у меня в корзине. Если бы я имел обыкновение бросать свои документы в корзину, то не пей можно было бы найти еще много вещей и при том гораздо более важных, в этом можете быть вполне уверены.

— И так, спросил Казелла, — вы убеждены, что автор бордер не Дрейфус?

— Безусловно, бордер писано не Дрейфусом.

Убеждены ли вы, что Дрейфус невинен?

— Да, мы знаем, что он невинен.

— Какого вы мнения о тайных документах, представленных военному суду по делу Дрейфуса?

— Я думаю, что судья действовал безусловно добросовестно, но что их обман с толка этих документов, которые несомненно подложны.

— Но кто же виновник? Знали ли вы майора Эстергази? спросил Казелла. — Он сам признался в том, что находился в сношениях с нами. Не будет ли скоро мы спросить, какого вы мнения относительно его?

— Я считаю его на все способным, отвечал Шварцкопфен.

как и высокая гора, царившая над ними.

Расширившаяся своя странную повесть. Я ритмически монотонно рыв оборвался, сухой рывный кашель сорвался с его губ и мучительно, почти судорожно потянул вглубь груди.

Опять она повторила прежнюю неосторожность: опять говорила так много и непрерывно на ходу! Из чьей послушала строжайший докторский запрет?

Но Эгон так просил, так умолял ее: «О, Москва, прошу тебя, расскажи мне что-нибудь», так было охватить охрученной группой стаят матеря, так криком прижался к ней, забравшись под ее мантию и устроив себя из нее уютное гнездышко — издали можно было подумать, что ребенок как-бы пророс в матери, так криком стискивал концы мантии плечи обоих — как тогда она противостоит ему, своему мальчику, единственному сыну, маленькому любчику.

Сегодня такой чудный летний день и с утра она чувствовала себя так хорошо. И вот фрау Апель — жена кантора местной церкви ушла посылать сегодняшний день длинной прогулки с Эгоном; она рассчитывала выбраться далеко за город, дойти до своего любимого местечка на берегу пруда, приютившегося в тишине ольховых лесов. Кто знает, ты же знала, подумала про себя бледная женщина, много-ли раз придется ей еще гулять с своим мальчиком. Такое же бремя, давившее ей владу груди, с каждым днем казалось тяжелее, с каждым днем дышание становилось более затрудненным и мучительным. И она пошла, выносившая платно, окаянную рюху стройный тополя и, наконец, добралась до забытого пруда и здесь под сенью ольхи и вязынов продолжала свою прогулку, медленно прохаживаясь вдоль извилистых берегов.

Настали долгие сумерки летнего вечера, мать и сын возвращались в город и тут-то Эгон обманул своими ручками талию матери, прижался к ней и прошепел: «прошу тебя, Москва, расскажи мне что-нибудь!»

Эгон сам придумал для матери это странное имя — Москва. Какими-то неведомыми путями дошел он до него, передаваясь слова «мать» и «мать». Эти обидные названия казались мальчику слышимыми недостатками для выражения всей его личности, всей его безграничной страстной индивидуальности. И бледная женщина, маленькая хрупкая жена кантора чувствовала, что все ее существо содрогается,

Несколько дней спустя Казелла обдала выстрелом Шварцкопфена. Разговор снова зашел о делах во Франции, и Шварцкопфен замечал, что он удивляется, как это семья Дрейфуса не обратилась к нему непосредственно.

— Мы это чрезвычайно жаль, продолжал он, но взять на себя ответственность в этом отношении я не могу. Дело это принадлежит не моему другу. Видно мое волею и Паничарди указал при этом на голову — она была черными и в несколько мисек посылал.

— Я успокоил его, продолжал Казелла, замечая, что никто не принуждает его говорить.

В дальнейшем течении разговора Паничарди замечал:

— Я был чрезвычайно удивлен по поводу того, почему семья Дрейфуса никогда не старалась добиться заявления со стороны германского посольства. Там это дело возникло и там именно нужно было пустить в ход все средства, с целью получить от германского аташе Шварцкопфена объяснение, которое не оставляло бы никаких сомнений. Я можно было бы также поговорить с самим Шварцкопфеном. Шварцкопфен сам часто выражал желание по поводу того, что никто еще не пытался поговорить с ним лично. У него такое доброе сердце, и он никогда бы не устоял перед просьбой несчастной женщины или подавленного горем брата и вообще перед просьбой кого-либо из этой семьи, пришедшей в отчаяние.

На основании этого намека Казелла и поехал в Берлин, куда прибыл 11 декабря 1897 года (и. с.). Вследствие разных обстоятельств, Шварцкопфен мог прийти графа Казелла только вечером 11 января в «Hotel Kaiserhof». После некоторых замечаний относительно дела Артона разговор перешел к делу Дрейфуса-Эстергази. Когда Шварцкопфен упоминал о том, что к делу этому относятся с большим интересом во Франции, Казелла сказал:

— Да, полковник, все убеждены в том, что один только вы знаете правду в этом ужасном деле.

Шварцкопфен отвечал: — Боже мой, по я могу сказать только на сдланное германским посольством в Париж заявление, что мы ничего общего не имеем с делом Дрейфуса.

Казелла спросил:

— Вы Париж обратили на себя внимание по обстоятельству, что вы дали себя отзывать из Парижа как раз в то время, когда заговорили об Эстергази.

— Это простая случайность, отвечал Шварцкопфен. — Говорили, что бордер было найдено в моей корзине. Даю вам честное слово, что оно никогда не было ни у меня в руках, ни в руках у кого-либо из прочих членов нашего посольства. Бордер было похищено прежде, чем дошло до назначения. Служило думать, что бы нечто подобное могло случиться у меня в корзине. Если бы я имел обыкновение бросать свои документы в корзину, то не пей можно было бы найти еще много вещей и при том гораздо более важных, в этом можете быть вполне уверены.

— И так, спросил Казелла, — вы убеждены, что автор бордер не Дрейфус?

— Безусловно, бордер писано не Дрейфусом.

Убеждены ли вы, что Дрейфус невинен?

— Да, мы знаем, что он невинен.

— Какого вы мнения о тайных документах, представленных военному суду по делу Дрейфуса?

— Я думаю, что судья действовал безусловно добросовестно, но что их обман с толка этих документов, которые несомненно подложны.

— Но кто же виновник? Знали ли вы майора Эстергази? спросил Казелла. — Он сам признался в том, что находился в сношениях с нами. Не будет ли скоро мы спросить, какого вы мнения относительно его?

— Я считаю его на все способным, отвечал Шварцкопфен.

как и высокая гора, царившая над ними.

Расширившаяся своя странную повесть. Я ритмически монотонно рыв оборвался, сухой рывный кашель сорвался с его губ и мучительно, почти судорожно потянул вглубь груди.

Опять она повторила прежнюю неосторожность: опять говорила так много и непрерывно на ходу! Из чьей послушала строжайший докторский запрет?

Но Эгон так просил, так умолял ее: «О, Москва, прошу тебя, расскажи мне что-нибудь», так было охватить охрученной группой стаят матеря, так криком прижался к ней, забравшись под ее мантию и устроив себя из нее уютное гнездышко — издали можно было подумать, что ребенок как-бы пророс в матери, так криком стискивал концы мантии плечи обоих — как тогда она противостоит ему, своему мальчику, единственному сыну, маленькому любчику.

Сегодня такой чудный летний день и с утра она чувствовала себя так хорошо. И вот фрау Апель — жена кантора местной церкви ушла посылать сегодняшний день длинной прогулки с Эгоном; она рассчитывала выбраться далеко за город, дойти до своего любимого местечка на берегу пруда, приютившегося в тишине ольховых лесов. Кто знает, ты же знала, подумала про себя бледная женщина, много-ли раз придется ей еще гулять с своим мальчиком. Такое же бремя, давившее ей владу груди, с каждым днем казалось тяжелее, с каждым днем дышание становилось более затрудненным и мучительным. И она пошла, выносившая платно, окаянную рюху стройный тополя и, наконец, добралась до забытого пруда и здесь под сенью ольхи и вязынов продолжала свою прогулку, медленно прохаживаясь вдоль извилистых берегов.

Настали долгие сумерки летнего вечера, мать и сын возвращались в город и тут-то Эгон обманул своими ручками талию матери, прижался к ней и прошепел: «прошу тебя, Москва, расскажи мне что-нибудь!»

Эгон сам придумал для матери это странное имя — Москва. Какими-то неведомыми путями дошел он до него, передаваясь слова «мать» и «мать». Эти обидные названия казались мальчику слышимыми недостатками для выражения всей его личности, всей его безграничной страстной индивидуальности. И бледная женщина, маленькая хрупкая жена кантора чувствовала, что все ее существо содрогается,

когда лачно ее Эгона приближалась к ее запертой груди, а глаза его жадно впитывались в ее лицо с выражением.

И большая сразу забыла все предостережения врача, тяжесть, которая не переставала давить ее слабую грудь, вдруг стала нечувствительной, все было забыто — и она начала говорить, рассказывать Эгону сказку; она знала их массу, запомнила все те, которые слышала и читала ребенком и теперь пересказывала их своему мальчику. На этот раз Эгон услышал оригинальную легенду о происхождении берисской Альпы.

Вышла фрау Апель говорила медленно, как-бы с трудом собираясь с мыслями, но мало-по-малу, все больше и больше увлекалась нитью рассказа, она забыла все окружающее и думала только о том, что ей ридом с мальчиком, всем существом превращаясь в сухую.

Каждый, кто взглянул бы на эту мать и ее сына, кто увидел бы как они, тесно прижавшись и прижавшись друг к другу, шли по платню, затмив миновала правду, это моста повернули на улицу направо, вдоль набережной — каждый навстречу сказке: были люди, далекие от суеты мира, восторг, вырвавшийся из утробы рынков действительности.

Мальчик едва исполнил десять лет, но для своего возраста он казался высокого роста, его курчавая головка почти казалась материнского подбора. Фигура его поражала своей худобой, выглаженная совершенно истощенной, почти выжженной, руки и ноги казались тонкими, точно гибкий тростник, кости плеч сидели над запертой грудью, на отхл плечах казалась тонкая длинная шея, поддерживавшая большую голову с овалными буграми лангонов. Беззвучные губы были всегда почти полуоткрыты и сквозь них мелькала данная былые до снымы зубы.

Выглянул портрет матери, говорившая про Эгона сестра, проходила взглядом хрупкое создание и сопровождала эти слова многозначительным покачиванием головы. А мать — ну — яды все хорошо знала, что с ней.

Когда мать начала рассказывать, мальчик охватывал ее правой рукой, левой переплетая с ее плеч концы старой черной медовой мантии и укрывал его на своем лбом, плеч — таким образом, его фигуру как-бы сжимал в одну податливую обнимку. Все время пока фрау Апель говорила, Эгон не проронил ни слова, как-бы околдованный звуками

цель укладкою мнть в гавайском порту, доведя до сведения американского правительства, что мнть, благодаря которой преемств «Maine» был взорван на воздухе, была вовсе не автоматическая и не такая, которая вырывается при присоединении в ней какого-либо предмета. Мнть эта могла взорваться только в том случае, если на нее проливался известное действие с четырех сторон. В ней были два замка, которые могли открываться только особыми ключами, и за которыми таились различные механизмы, а также третий замок, за которым хранились резиновые изоляторы. Последнее необходимо было удалить для того, чтобы соединить электрический ток с мнью, а за четвертым замком находилась кнопка с помощью которой соединялся ток для произведенной взрыва. Кроме названной английской формы и испанских властей, мнть по мнть о сложном механизме мнть. Ключи от упомянутых четырех замков находились в руках четырех различных испанских офицеров высшего чина. В связи с этим следует упомянуть, что, согласно отчету следственной комиссии, преемств «Maine» был, по желанию испанских властей, отведен самим портовым инспектором Гавайи на роковом мнть тотчас же по прибытии в гавань. Во главе английской формы стоял Габриель. Ему предложено до сих пор 81 мнть в гавайском порту.

Из Лондона телеграфируют «Нов. Вр.»: Посланье президента Соединенных Штатов, Мэтью-Килея, очень опечалено всеми другими миром. Добившись от Испании уступки за уступку, Мэтью-Килей в комплименты заявил, что все они не удовлетворяют его, и очень холодно отзывался о последней, самой важной, именно о даровании перемирия публичным повстанцам. О посредничестве паны Мэтью-Килея не счел нужным даже упомянуть ни одним словом, как не упоминает о заявлениях, сданных ему представителями шести великих держав. Мэтью-Килей стоит исключительно на почве переговоров Соединенных Штатов с Испанией; весь остальной мир для него как-бы не существует. Юристы и знатоки международного права отказываются необдуманно о послании Мэтью-Килея, так как оно вводит опасные принципы в международное право, обосновывая вмешательство одной державы во внутреннюю дела другой державы таким доводом, что Соединенные Штаты не могут допустить опустошения соседней мнть страны и земель, вовсе не принадлежащих американцам. В послании, повидимому, выражено окончательное решение Мэтью-Килея вмешаться в испано-кубинский мнть, а если это толкование правильно, то не остается уже никаких шансов на сохранение мира. Заслуживает внимания и то, что Мэтью-Килей отказывается признать кубинских повстанцев воюющей стороной, президент американской республики дает этим понять, что он не желает выступать в качестве союзника повстанцев для освобождения негров; из этого выводятся заключение, что Соединенные Штаты просто хотят завоевать остров Кубу или «оккупировать» его для восстановления в нем порядка и спокойствия, подобно тому, как Австрия заняла Боснию и Герцеговину, чтобы избавить эти области от турецких взрывов.

В Лондон обратили особенное внимание на то обстоятельство, что китайский император, в рчи, обращенной к русскому повстанцу в длаках в Пекин Павлову, в ответ на телеграмму Государя Императора об уступке России в пользование Порты-Артура и Галиенвана, упомянул о союзном договоре Китая с Россией. Политический мир придает этому заявлению почти такое же важное значение, какое имела промолвка японца в гаванском порту. Если впрямь лондонской газет, представляющей одной английской фирмы, занимавшейся в течение 18 мнть

когда лачно ее Эгона приближалась к ее запертой груди, а глаза его жадно впитывались в ее лицо с выражением.

И большая сразу забыла все предостережения врача, тяжесть, которая не переставала давить ее слабую грудь, вдруг стала нечувствительной, все было забыто — и она начала говорить, рассказывать Эгону сказку; она знала их массу, запомнила все те, которые слышала и читала ребенком и теперь пересказывала их своему мальчику. На этот раз Эгон услышал оригинальную легенду о происхождении берисской Альпы.

Вышла фрау Апель говорила медленно, как-бы с трудом собираясь с мыслями, но мало-по-малу, все больше и больше увлекалась нитью рассказа, она забыла все окружающее и думала только о том, что ей ридом с мальчиком, всем существом превращаясь в сухую.

Каждый, кто взглянул бы на эту мать и ее сына, кто увидел бы как они, тесно прижавшись и прижавшись друг к другу, шли по платню, затмив миновала правду, это моста повернули на улицу направо, вдоль набережной — каждый навстречу сказке: были люди, далекие от суеты мира, восторг, вырвавшийся из утробы рынков действительности.

Мальчик едва исполнил десять лет, но для своего возраста он казался высокого роста, его курчавая головка почти казалась материнского подбора. Фигура его поражала своей худобой, выглаженная совершенно истощенной, почти выжженной, руки и ноги казались тонкими, точно гибкий тростник, кости плеч сидели над запертой грудью, на отхл плечах казалась тонкая длинная шея, поддерживавшая большую голову с овалными буграми лангонов. Беззвучные губы были всегда почти полуоткрыты и сквозь них мелькала данная былые до снымы зубы.

Выглянул портрет матери, говорившая про Эгона сестра, проходила взглядом хрупкое создание и сопровождала эти слова многозначительным покачиванием головы. А мать — ну — яды все хорошо знала, что с ней.

Когда мать начала рассказывать, мальчик охватывал ее правой рукой, левой переплетая с ее плеч концы старой черной медовой мантии и укрывал его на своем лбом, плеч — таким образом, его фигуру как-бы сжимал в одну податливую обнимку. Все время пока фрау Апель говорила, Эгон не проронил ни слова, как-бы околдованный звуками

его голоса, глаза его широко раскрылись, как у человека видящего сон на лугу, он неподвижно смотрел в какую-то точку прямо перед собою, не замечая ни дороги, ни прохлывки.

Когда мать окончила сказку, мальчик промолчал еще некоторое время все в том-же отчужденном, затмив медленно вынул из рук концы мантии и обернулся назад.

Видишь ты, Ани, провозвещ опь тоном, полным упрека, видишь какое несчастье надвигалась семья собача.

Эти назидательные слова были обращены к маленькой необычайно уродливой собачке, породой походившей на нечто среднее между пинчером и шницером; Ани оторвалась гулять выстрел со своим хозяином, но длинная прогулка, повидимому, утомила его — Ани был далеко не первой молодости — и теперь он усталый и очевидно в отравительном настроении духа плеска лозой.

Усылавши свое имя, Ани несколько оживился, даже шаги его сдвинулись быстрее и ритмичнее, он заблуждал вперед и останавливался перед мальчиком, устремив на него выразительный, почти повелевательный взгляд и, презрительно поманив пальцем жесткой щетины, изображавшей подобие хвоста, этого замечательного в своем роде представителя собачьей расы.

Мальчик, повидимому, до тонкости изучил мимический разговор своего четверного друга. Не проронив лишнего слова, он нагнулся и поднял собачку на руки. И Эгон продолжал свой путь, попеременив прижавшись к матери и нес в объятиях мать. До дому было уже недалеко и вскоре мать и сын достигли порога своего жилища.

Усылавши свое имя, Ани несколько оживился, даже шаги его сдвинулись быстрее и ритмичнее, он заблуждал вперед и останавливался перед мальчиком, устремив на него выразительный, почти повелевательный взгляд и, презрительно поманив пальцем жесткой щетины, изображавшей подобие хвоста, этого замечательного в своем роде представителя собачьей расы.

Мальчик, повидимому, до тонкости изучил мимический разговор своего четверного друга. Не проронив лишнего слова, он нагнулся и поднял собачку на руки. И Эгон продолжал свой путь, попеременив прижавшись к матери и нес в объятиях мать. До дому было уже недалеко и вскоре мать и сын достигли порога своего жилища.

Усылавши свое имя, Ани несколько оживился, даже шаги его сдвинулись быстрее и ритмичнее, он заблуждал вперед и останавливался перед мальчиком, устремив на него выразительный, почти повелевательный взгляд и, презрительно поманив пальцем жесткой щетины, изображавшей подобие хвоста, этого замечательного в своем роде представителя собачьей расы.

Мальчик, повидимому, до тонкости изучил мимический разговор своего четверного друга. Не проронив лишнего слова, он нагнулся и поднял собачку на руки. И Эгон продолжал свой путь, попеременив прижавшись к матери и нес в объятиях мать. До дому было уже недалеко и вскоре мать и сын достигли порога своего жилища.

Усылавши свое имя, Ани несколько оживился, даже шаги его сдвинулись быстрее и ритмичнее, он заблуждал вперед и останавливался перед мальчиком, устремив на него выразительный, почти повелевательный взгляд и, презрительно поманив пальцем жесткой щетины, изображавшей подобие хвоста, этого замечательного в своем роде представителя собачьей расы.

Мальчик, повидимому, до тонкости изучил мимический разговор своего четверного друга. Не проронив лишнего слова, он нагнулся и поднял собачку на руки. И Эгон продолжал свой путь, попеременив прижавшись к матери и нес в объятиях мать. До дому было уже недалеко и вскоре мать и сын достигли порога своего жилища.

Усылавши свое имя, Ани несколько оживился, даже шаги его сдвинулись быстрее и ритмичнее, он заблуждал вперед и останавливался перед мальчиком, устремив на него выразительный, почти повелевательный взгляд и, презрительно поманив пальцем жесткой щетины, изображавшей подобие хвоста, этого замечательного в своем роде представителя собачьей расы.

Мальчик, повидимому, до тонкости изучил мимический разговор своего четверного друга. Не проронив лишнего слова, он нагнулся и поднял собачку на руки. И Эгон продолжал свой путь, попеременив прижавшись к матери и нес в объятиях мать. До дому было уже недалеко и вскоре мать и сын достигли порога своего жилища.

Усылавши свое имя, Ани несколько оживился, даже шаги его сдвинулись быстрее и ритмичнее, он заблуждал вперед и останавливался перед мальчиком, устремив на него выразительный, почти повелевательный взгляд и, презрительно поманив пальцем жесткой щетины, изображавшей подобие хвоста, этого замечательного в своем роде представителя собачьей расы.

Мальчик, повидимому, до тонкости изучил мимический разговор своего четверного друга. Не проронив лишнего слова, он нагнулся и поднял собачку на руки. И Эгон продолжал свой путь, попеременив прижавшись к матери и нес в объятиях мать. До дому было уже недалеко и вскоре мать и сын достигли порога своего жилища.

Усылавши свое имя, Ани несколько оживился, даже шаги его сдвинулись быстрее и ритмичнее, он заблуждал вперед и останавливался перед мальчиком, устремив на него выразительный, почти повелевательный взгляд и, презрительно поманив пальцем жесткой щетины, изображавшей подобие хвоста, этого замечательного в своем роде представителя собачьей расы.

Мальчик, повидимому, до тонкости изучил мимический разговор своего четверного друга. Не проронив лишнего слова, он нагнулся и поднял собачку на руки. И Эгон продолжал свой путь, попеременив прижавшись к матери и нес в объятиях мать. До дому было уже недалеко и вскоре мать и сын достигли порога своего жилища.

БАРОМЕТРЫ и ТЕРМОМЕТРЫ

ТОЧНО ПРОВЕРЕННЫЕ.

Б И Н О К Л И.
для ТЕАТРА, ПОЛЕВЫЕ и МОРСКІЕ.

Волшебные фонари для народныхъ чтеній и картинъ
къ нимъ разнаго содержанія.

Н. Фальбергъ, въ Кіевѣ.

КРЕЩАТИЦЬ, № 70.

ЮЖНО-РУССКИЙ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКИЙ СИНДИКАТЪ.

ПРЕДЛАГАЕТЪ: (Кіевъ, Бульварная, № 9). ПРЕДЛАГАЕТЪ:
Сѣмена яровыхъ хлѣбовъ и стручковыхъ и масляничныхъ растений.

Сѣмена травъ

Клеверъ красн. отъ 6 р. — н. до 6 р. 50 к.	Райграссъ ангайскій. . . . . 4 р. — к.
Тимофеевка . . . . . 3 р. 25 к. до 3 р. 50 к.	Эспартеръ . . . . . 1 р. 75 к.
Люцерна франц. . . . . 12 р. — н. до 14 р. — к.	Вика птичья . . . . . 4 р. 50 к.
„ мѣстная „ 8 р. — н. до 8 р. 50 к.	Костеръ безостый . . . . . 5 р. 50 к.

◆ Сѣмена кормовыхъ корнеплодовъ. ◆
Свекла: Обердорфъ и Манутъ по 3 руб. 50 коп., Морковь по 6 руб. 50 к.

◆ Удобрительные вещества. ◆
Суперфосфатъ. 20—22% Р. О₂ по 4 к. за 1% по вагонон и 4½ п., за 1% по пузю съ мышкомъ, станція назначенія.
Гипсъ для клеверной 96% по 14½ коп., за пудъ станція отправленія.
Каинитъ по 45 коп., съ мышкомъ, станція отправленія.
Чилийская селитра 15—16% по 1 р. 70 к., по 1 р. 80 к., станція назначенія.

Желѣзо кровельное, наслѣдниковъ С. С. Яковлева.

10-фунтовое—3 р. 10 к., 9-фунтовое—3 р. 15 к., 8-фунтовое—3 р. 25 к. за пудъ.
Франко станція назначенія въ предѣлахъ губерній: Кіевской, Харьковской, Полтавской, Подольской и Черниговской и при заказѣ не менѣе 300 пуд. одного сорта. Количество менѣе 300 пуд. отправляется со складами въ Кіевъ и Одессу по цѣнѣ на 10 к. дороже.
Кромѣ того издается дешовые сорта желѣза иностранныхъ и сибирскихъ заводовъ.

◆ Краски масляныя Кругликова. ◆

Бѣлая свищовъ. № 0 . . . по 7 р. 03 к.	Сажа голландская . . . » 5 р. 70 к.
„ „ „ № 1 . . . „ 6 р. 27 к.	Мѣдианка составная № 1 . . . » 7 р. 10 к.
„ „ „ „ для грунтовъ . . . „ 4 р. 22 к.	„ русская № 2 . . . » 10 р. — к.
Муния русская . . . . . 4 р. 28 к.	„ маляхитовая . . . » 13 р. 30 к.
Диаласъ сѣрый № 1 . . . . 4 р. 75 к.	Грунтовица подъ мѣдианку . . . » 5 р. 32 к.
Сурикъ свавцовый . . . . . 5 р. 70 к.	Охра половая . . . . . 4 р. 37 к.
Сурикъ желтый, русскій . . 4 р. 28 к.	„ для грунтовокъ . . . » 3 р. 80 к.

◆ и другія краски масляныя, а равно и сухія и оліивы. ◆
Цѣны на краски понижаются франко станція назначенія: Юго-Западныхъ, Московско-Кіево-Воронежской и участковъ Бахмачъ—Рошня, Дубово-Роменской желѣзныхъ дорогъ, и при заказѣ не менѣе 2½ пудовъ одного сорта.

◆ Цѣны могутъ быть измѣнены. Мѣши джутовые, сахарные, хлѣбные и мучные. ◆
Цѣны на мѣши сообщаются по первому требованію. Машины и земледѣльческія орудія. ◆
◆ Цѣнына высылаются по первому требованію. ◆
Сѣмена огородныя. ◆ Цѣнына высылаются по первому требованію. ◆ *12-20 Р138

ВИНА

ЮЖНАГО БЕРЕГА КРЫМА

ИЗВѢСТНЫХЪ САДОВЪ

Г. Н. ХРИСТОФОРОВА и К°.

МАГАЗИНЫ: въ Кіевѣ, Крещатицѣ и на Подолѣ. Телефонъ 904 и 1145.
„ „ Симферополѣ, Москвит.
„ „ Бердянскѣ и Нижегородской ярмаркѣ.

Предлагаетъ любителямъ винныхъ и натуральныхъ винъ старія и хорошо выдержанныя въ собственныхъ обширныхъ подвалахъ бѣлыя и красныя вина въ громаднѣйшихъ количествахъ.

◆◆◆◆◆ НОВОСТЬ! ◆◆◆◆◆

Обращаемъ особое вниманіе на единственное нами выпущенное въ свѣтъ ВІНО МУСКАТЪ АЛЕКСАНДРІЯ, которое по своему высокому качеству, вкусу и тонкому букету на большомъ виноградѣ мускатъ, съ котораго оно и выдѣлывается, стоить въ всякой конкуренціи, а равно всѣмъ извѣстнымъ наше знаменитое старое ЛЕЧЕБНОЕ вино ОПОРТУ № 36, давно обратившее на себя вниманіе многихъ нашихъ представителей медицины, какъ прекрасное средство для возбужденія аппетита, легко способствующее пищеваренію и укрѣпляющее самый слабый и больной организмъ. Не менѣе заслуживаютъ вниманія наши столовыя вина, какъ-то: ХЕРЕСЪ, МАДЕРА, ТОКАЙ, ПИНО, ШАТО-ИКЕМЪ, РЕЙНЪ-ВЕЙНЪ, МОЗЕЛЬВЕЙНЪ и др. Шампанское «КОНЕЦЪ ВѢКА» (Fin de Siècle), MARGO (серебряная голая) и проч. За натуральность винъ фирма ручается.

При магазинѣ имѣется большое разнообразіе иностранныхъ винъ, коньяковъ, ликеровъ и проч., а также старый двухлѣтній виноградный ПЕЙСАХОВЪ ВОДКА И ВИНО.

Въ виду большого спроса нашихъ винъ, НОВОЕ УПРАВЛЕНІЕ Кіевскими магазинами и подвалами приняло надлежащіе мѣры къ немедленному и аккуратному исполненію всѣхъ заказовъ и требованій г. покупателей.

Р.2871 Съ почтеніемъ Г. Н. ХРИСТОФОРОВЪ и К°. к.4-4

ВЫСТАВКА ЦВѢТУЩИХЪ РАСТЕНІЙ.

Большой выборъ по удешевленнымъ цѣнамъ тамъ-же можно получать готовые декоративныя жердонеры.

Магазинъ: уголъ Крещатицы и Фундуклевской улицы, д. № 2, и главный магазинъ: Фундуклевская, собственный домъ, № 56 а.

к. 3-3 Р.2902

В. Ф. КРЮГЕРЪ.

ВЪ ТАБАЧНОМЪ МАГАЗИНѢ ЗГУРИДИ существующій 30 л.

(Пассажи) п. ф. ЕЖЕДНЕВНО СПАБЖАЕТСЯ ГРОМАДНЫМИ ПАРТИЯМИ

ТАБАКУ И ПАПИРОСЪ

самыхъ извѣстныхъ иностраннхъ фабрикъ. По особому заказу.

Асланиды,	Стамболи,	Месаксуди,	и друг.
Асмолова,	Попова,	Ноблессъ	

68-100 Р.3446

ОБОИ

Главный складъ ОБОВЪ парижско-седейской фабр Эрнеста Ланге.

Новый адресъ: Кіевъ, Крещатица, д. дворнистая прот. думъ. Самый большой выборъ ОБОВЪ русскихъ и иностранныхъ фабрикъ. Линолеумъ и клеенка. Иностраннѣе высылаются образцы. 3-100 Р.2907

ДНІПРОВСЬКИЙ ХІМІЧЕСЬКИЙ І ЕЛЕКТРОЛІТИЧЕСЬКИЙ ЗАВОДЪ

ВЪ КІЕВѢ

доводить до всеобщаго свѣдѣнія, что вырабатываемые нѣмъ слѣдующіе товары:

Олово электро, нѣд. электро,	Хлорокислый спиртъ,
Соли, желѣза, свинца, олова и нѣд.	Гипосульфитъ сернокислый.
Хромовыя краски,	Другія соли глинозема,
Свинцовыя бѣлыя,	Растворимое стекло,
Виннокаменная кислота,	Щавелевая кислота.

Имѣются на складѣ у единственнаго представителя для
всей Россіи

А. М. ШТИФФЛЕРА,

Кіевъ, Крещатикъ, собств. домъ, № 25. Телефонъ № 1. Тутъ-же на-
ходятся на складѣ карболиннеумъ „Антраценъ“.

615-52
Р.1330